

ГАЛИНА РОМАНОВА

РЫЖАЯ-БЕССТЫЖАЯ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Редактор серии *А. Антонова*
Дизайн обложки *А. Зининой*

Романова, Галина Владимировна.

Р69 Рыжая-бесстыжая : роман / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-229644-4

Вернувшись домой, Настя Одинцова обнаруживает в кресле труп местного криминального авторитета Ивана Мельника. А ведь всего полчаса назад они вместе ужинали в ресторане! Конечно, она постарается как можно быстрее избавиться от находки. Увы, это не очень помогает: девушку преследуют бандиты, с ней жаждут поговорить полицейские. Вдобавок еще и в женихи к Насте навязываются разные подозрительные личности. Самое время брать судьбу в собственные руки!..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г.В., 2026
© Оформление.
ISBN 978-5-04-229644-4 ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ШАВА 1

Молодой красивый мужчина, вальяжно расположившийся в ее кресле, смотрел куда-то мимо нее невидящим взглядом.

— Эй, что вы здесь делаете?! — Настена осторожно двинулась к креслу, на котором сидел ее незваный гость. — Эй, отзовитесь!

Все тот же отстраненный взгляд. Полное отсутствие реакции и какой бы то ни было двигательной функции.

«Спит, что ли?!» — мелькнуло спасительное в ее голове, и девушка осторожно тронула мужчину за плечо.

Тот не шелохнулся, продолжая упорно сверлить глазами стену ее малюсенькой гостиной. Настя испуганно оглянулась и проследила за его взглядом. Да нет. Ничего заслуживающего внимания там не обнаруживается. Все те же стены в разводах, оставшихся после пожарных, орудовавших месяц назад пожарной кишкой на девятом этаже. Та же дешевая копия шишкинских медведей и чахлая традесканция, оставленная ей в наследство «заботливыми» родственниками. Что, скажите на милость, можно здесь с таким интересом разглядывать?

— Послушайте! — Она воинственно подбоченилась. — Мы уже все с вами успели решить по вопросу купли-продажи. Все по пунктам! Чего еще нужно?! Я даже могу вернуть вам те деньги, что вы мне

выплатили... Что касается остального, то тут мои позиции непоколебимы. Так что, будьте любезны, удалитесь с моей жилплощади!!!

Последние слова она произнесла с особенным вкусом. Да, теперь это ее жилплощадь. Ценой невероятной борьбы и нечеловеческих усилий ей удалось выцарапать эту хрущобу у ненасытных...

А, да ладно! Черт с ними со всеми! Дело первостатейной важности сейчас — избавиться от наглого, нахрапистого бизнесмена, возжелавшего обзавестись ее разваливающейся на ходу «девяткой»! Сидит себе «тело», понимаешь, в ее кресле и не собирается снизойти до объяснений...

Тело!!!

Как же она сразу-то...

Настя, согнувшись едва ли не пополам от внезапного страха, подстегнувшего ее под коленки, вытаращилась на мужчину. Точно — тело! Это уже не человек! Не может человек не моргать в течение десяти минут. А ведь именно столько она пытается вести с ним переговоры. Протянув к нему вибрирующую от ужасного предположения руку, она дотронулась до бледной щеки молодого мужчины, и тут же ее горло исторгло душераздирающий крик.

Почувствовав кончиками пальцев холод начинающего окоченевать тела, Настя лишилась последних надежд и сомнений — мужчина был окончательно и бесповоротно мертв...

ЧАВА 2

Все люди, по мнению Насти Одинцовой, подразделялись на два класса: на везучих и невезучих. Те, в свою очередь, на две подгруппы: везучие — на

очень везучих и так себе, а невезучие соответственно — на не совсем невезучих и преследуемых неприятностями с фатальной неизбежностью.

К последним она относила и себя. Только ее преследовали не неприятности, а люди, которые этими самыми неприятностями одаривали ее с щедростью Санта-Клауса. Причем не только в предрождественские и предновогодние дни и ночи, а круглогодично, в любое время суток, с периодичностью, скажем, в два-три месяца.

У нормальных людей ведь как бывает: бежал человек по улице, столкнулся с кем-то на бегу, извинился и побежал себе дальше. Метра эдак через три забыл об инциденте, даже если пострадавший от его неосторожных телодвижений и обматерил его со всей страстностью и виртуозностью русского человека. С каждым из нас ведь так бывает, не правда ли? Но только не с ней. Если подобное произошло с Настей, то уж точно жди продолжения. Либо отлетевший в сторону от ее удара плечом окажется затем ее непосредственным начальником, либо соседом, либо... родственником. Ну а как, по-вашему, можно строить отношения, если они начались таким вот, мягко говоря, нетрадиционным образом? Как можно приветливо улыбнуться новоиспеченному руководителю, если из всей толпы примчавшихся с поздравлениями сослуживцев он мгновенно выхватит взглядом именно ее лицо. Внимательно оглядит, узнавая, и насупленно нахмурится, вспомнив, как пару часов назад почти в дверях универсама на его не очень лестное замечание по поводу ее манер эта милая девушка в ответ рыкнула: «Сам такой»... Тут уж хоть рот разорви в улыбке, приговор тебе заведомо подписан. И ходить тебе в вечных исполнителях и быть первой кандидаткой на сокращение...

С соседями, конечно, попроще. Пусть себе дуются. Пусть на ее приветливое «здрасьте» норовисто подергивают ноздрями. Ей-то что? Ей с ними не есть из одной тарелки. Подумаешь, обиделись, что она нечаянно коленом десяток яиц им раздавила! Так в автобусе такая давка была, что впору о душе начинать думать, а они о каких-то яйцах пекутся. Были, конечно же, и в этом случае свои неприятные моменты. Скажем, полезут к ней в квартиру воры (хотя, по ее мнению, лезть к ней им было совершенно неразумно) или загорится от неисправной электропроводки квартира, можно было быть уверенной на сто процентов — соседи вмешиваться не станут. Осторожненько высмотрят в замочную скважину, что и сколько вынесено, лапками почувствуют от радостного предвкушения ее горя и промолчат. Что касается пожара, то, должно быть, дождутся, пока хорошенько разгорится, и лишь затем вызовут пожарных.

Ни первого, ни второго с ней пока не случилось. Тьфу-тьфу! Ну оказалась в этом смысле к ней милостива судьба-злодейка, что же тут попишешь. Однако Настена была убеждена в том, что помощи ей ждать неоткуда...

Совсем плохо обстояло дело с родственниками. Эта третья категория случайно обиженных зло помнила долго, часто ее этим попрекала и присовокупляла ненароком допущенную ею, Настей, оплошность ко всем последующим обвинениям по любому поводу.

С Маргаритой Николаевной, своей будущей свекровью, Настя «познакомилась», покупая билет в кассе автовокзала...

В тот день ей несказанно повезло: в их пригородной школе объявили карантин, и всех, включая учи-

телей, учащихся и обслуживающий персонал, администрация решила отправить по домам. Ворвавшись с радостным визгом в свою каморку в общежитии и перепугав едва ли не до полусмерти соседку по комнате Ниночку Калачеву, Настя покидала немудреные вещички в дорожную сумку и объявила:

— Все! Каникулы! На целых три дня раньше!

Ниночка работала в этом поселке главным ветеринаром, семья не имела, посему к делам учительским относилась со снисходительным непониманием. Подумаешь, дети! То ли дело лечить заболевших животных. Они — твари бессловесные, сказать ничего не могут, только смотрят на тебя потерянными глазами и взывают о помощи...

— Что такое? — спросила она, меланхолично помешивая ложкой неопределенного вида напиток. — Опять Законодательное собрание поощряет этих сорванцов?

— Нет, карантин, — машинально ответствовала Настя, пристально разглядывая залоснившиеся рукава малинового джемпера. — Как думаешь, пора ему на помойку или еще послужит?

— Из твоих шмоток все можно смело туда отнести, — совсем недипломатично отозвалась Ниночка и звучно отхлебнула из стакана. — Как ты ухитряешься покупать такую дрянь, ума не приложу...

Критику Настена пропустила мимо ушей, но джемпер все же отложила в сторону. На улице не так холодно, невзирая на начало ноября. Вполне можно обойтись и водолазкой, надев сверху куртку. Джинсы, которые она страстно любила как вид одежды и которые ей в силу ее профессиональной деятельности носить постоянно было не вполне удобно, дополнили нехитрый гардероб. Она взяла в руки стоптанные башмаки и скорбно вздохнула:

— Как думаешь, не стоит ехать в город в такой обуви, а, Нинк?

— Ох, господи! — Та молча пожевала губами и повзмахивала бровями, что на языке жестов означало высшую степень недоумения по поводу несуразности соседки. Затем слезла со стула и прошествовала к своему шкафу. — На вот, никчемность ты моя. К дню рождения тебе приберегла, да разве с тобой утерпишь...

В руках у Нинки сверкала глянец черной натуральной кожи и завораживала изысканностью модели пара демисезонных ботинок на высоком каблучке. Настя боялась шевельнуться. Ей, почти всю свою жизнь проходившей в недорогих добротных вещах из серии «на что хватило денег», такое могло лишь присниться.

— Нина, зачем ты? — слабо попробовала она воспротивиться, но ее глаза хищно уставились на вождьленную обувку, отмечая и необыкновенно изящный изгиб колодки, и пару пуговок сбоку, добавляющих ботиночкам некоторую пикантность. — Неудобно как-то...

— Сказала бы я тебе, что неудобно, да долго перечислять... — довольная произведенным эффектом заухмылялась Нинка. — Бери, бери. Да скинь портки-то свои засаленные. Надень юбку мою черную короткую. Горе с тобой, право...

Она вновь нырнула в недра огромного шкафа, и через минуту в Настю полетела черная мини-юбка, совсем неплохо сработанная польскими умельцами, запакованная пара колготок «Омса-велюр» и в довершение — элегантный бежевый свитерочек с высокой горловиной.

— Оденься хотя бы раз в жизни по-человечески, — отдуваясь, произнесла Нинка, вновь усажи-

ваясь на свое место за столом и отхлебывая темно-коричневую бурду. — Хорошо хоть мы с тобой фигурами одинаковые...

Настя могла поклясться, что зависть незавуалированно просочилась в Нинкиных последних словах.

Они и в самом деле были одинакового роста — метр шестьдесят восемь. И объем талии и бедер был абсолютно идентичен. Но вот там, где у Нинки угловатилось и отвисало, у Насти все было округло-аппетитным. Не акцентируя внимания на своей внешности, она частенько ловила на себе завистливые взгляды подруги, когда они вместе посещали местную баню. Вот и сейчас, проявив временное великодушие, Нинка не удержалась, чтобы не добавить ложку дегтя.

— Хороша! — полувосхищенно-полунасмешливо выдохнула она, наблюдая за тем, как Настя застегивает на ногах сапожки. — Не жмут?

— Нет, что ты, спасибо! Прямо и не знаю, как тебя благодарить! — залопотала девушка, не веря неожиданно свалившемуся на нее благоденствию подруги.

— Да ладно тебе. — Нинка беспечно махнула рукой. — Это мне Иван Семенович за лечение больного поросенка подарил. А они мне малы. Не выбрасывать же. Да и назад не вернешь — обидится. Тут вспомнила о твоём дне рождения, решила подарить. Как видишь, особой благодарности не стоит...

О том, что она клятвенно заверила Ивана Семеновича посодействовать в переговорах о репетиторстве для его сына-оболтуса, Нина промолчала. Ещё будет время взыскать положенное с Настюхи за оказанное благодеяние. Пусть пока радуется...

А Настя откровенно радовалась. Вертеться так и сяк перед зеркалом, она совершенно не узнавала

себя. Куда подевалась незаметная училка литературы и русского с вечным хвостом на затылке и в мешковатой одежде? Неужели она обладает этой парой стройных красивых ног? Высокая горловина свитерка превосходно гармонирует с кожей цвета топленого молока. И даже не бог весть какая курточка не портит общей картины...

— Так я пошла? — неуверенно двинулась Настя к двери.

— Иди, иди, а то с твоими пересадками... Смотри не опоздай к тетке на пироги...

К тетке, своей единственной родственнице по материнской линии, Настя выбиралась нечасто. Три пересадки с вечными очередями в билетных кассах свели их общение к минимуму. Но этот день выдался просто-таки волшебным. Нигде никаких заторов. Полное отсутствие хвостов у малюсеньких окошек. У Насти даже начало закрадываться серьезное подозрение, что ей наконец-то начинает везти в этой жизни. Но тут явилась ОНА, и подозрение мгновенно исчезло, не успев преобразоваться в твердую уверенность.

Маргарита Николаевна оказалась единственным транзитным пассажиром на маленькой пересадочной станции, куда вихрем ворвалась Настя. До отправления очередного автобуса, который должен был доставить ее в конечный пункт путешествия, оставались считанные минуты. Порадовавшись в который раз полному отсутствию очередей, она подлетела к кассе и, сунув в окошко деньги, скороговоркой пробормотала:

— Один, до конечной...

Кассирша с любезностью цербера выхватила у нее купюру и принялась записывать что-то в путевом листе.

— Послушайте-ка, милочка, — раздался вдруг скрипучий голос за ее спиной. — Ваша очередь за мной!

Недоуменно оглянувшись, Настя захлопала ресницами, обнаружив позади себя воинственно настроенную даму средних лет. В трикотажном костюме цвета прелых листьев, с ридикулем, купленным в шестидесятых и героически пронесенным через всю ее зрелую жизнь, женщина неприязненно оглядывала девушку с головы до пят. Ее собственная голова, увенчанная шиньоном из каштановых волос, слегка подрагивала, надо думать, от негодования. Тонкие губы в ярко-вишневой помаде скорбно поджались. А необъятная грудь тяжело вздымалась.

— Вы мне? — Настя приветливо улыбнулась. — Извините, я вас не заметила...

— Еще бы!!! — возмущенно фыркнула дама. — Я пока вещи ставила на скамейку, ты тут как тут!

— Ничего страшного, — попыталась урезонить ее девушка. — Билет я уже купила, так что — подходите, пожалуйста. Проблемы нет...

Она скомкала протянутый ей кассиршей билет и поспешила к выходу. Будучи по натуре миролюбивой, Настя совершенно не хотела ввязываться в скандал, которого явно жаждала эта дама.

Зайдя в автобус, Настя вновь подивилась полному отсутствию пассажиров, заняла место у окна позади водителя и принялась рассматривать станционную площадь.

Маленькая территория с чахлыми кустиками была заплевана и засорена отъезжавшими и прибывающими пассажирами до помоечного состояния. Растительность в виде жухлой, побитой первыми морозами травы сиротливо жалась к кустарнику, словно ища защиты от человеческого вандализма.

Девушка тяжело вздохнула. Возглавляя в институте движение «Гринпис», она с горечью наблюдала, как люди занимаются самоуничтожением на планете. Эту бы площадку да заасфальтировать. Поставить урны по периметру. Окопать кустарник...

— Ну-ка, милочка, подвинься-ка!!! — вторглось властное восклицание в плавное течение ее благородных мыслей. — Ишь, расселась!!!

Пока она предавалась несбыточным мечтаниям, автобус, очевидно, был оккупирован пассажирами. Но, оторопело заозиравшись, Настя обнаружила все те же пустующие пыльные дерматиновые сиденья.

— Простите?! — начало поднимать в ней голову погранное чувство справедливости. — Что вам от меня надо?!

— Ах ты, шалава!!! — взвизгнула пожилая мымра. — Мне от тебя надо?! Да на какой черт ты мне сдалась?!

Вот как раз в этот самый момент сердце Настены тревожно заколотилось. То ли лихорадочный блеск глаз ополоумевшей от возрастного маразма бабы привлек ее внимание, то ли судорожно вцепившиеся в баулы пальцы дамы натолкнули ее на эту мысль, может быть, просто кто-то свыше шлепнул ее перстом по темечку, но у нее в душе проклюнулась твердая уверенность, что встреча с этой перезревшей стервозиной имеет для нее судьбоносное значение.

Настя мгновенно внутренне сжалась в комочек. Отодвинулась к самому окну и затихла. Желание раскрыть глаза соседке на то, что в автобусе полно свободных мест, пропало у нее, едва зародившись. Пусть себе сидит, раз ей так хочется. Вдруг она заведующая районо или, что еще хуже, новая директриса их малюсенькой школы. Предыдущая вышла

замуж и уехала с молодым супругом в неизвестном направлении. И люди сведущие шепнули, что на смену молодой и приветливой ждут какую-то пенсионерку с жутким характером. Что касается характера, то Настя не питала никаких иллюзий в отношении дамы с шиньоном. Было видно, что эта женщина знает толк в хорошей доброй ссоре...

— Куда едешь? — неожиданно толкнула ее в бок скандалистка.

— К тетке, — пискнула Настя, едва не охнув от ощутимого удара.

— Откуда? — не унималась дама и, достав из баула пакет с домашними котлетами, принялась их наворачивать.

— Из дома...

— А мать дома осталась?

— Матери нет, — пояснила Настя и сглотнула слюну. Аппетитный запах специй и чеснока поплыл по салону. — Никого нет, кроме тетки. Она старенькая уже. Еле ходит. Болеет все...

Дама вдруг перестала жевать и, резко крутанувшись на сиденье, уставилась во все глаза на девушку. Смотрела она на нее минуты три-четыре, и за это короткое время взгляд ее претерпел разительную метаморфозу. Из маленьких, глубоко посаженных глазок исчезла вдруг всякая неприязнь, и оттуда на Настю полились флюиды благосклонности.

— Котлетку хочешь? — разулыбалась дама, протягивая ей промасленный пакет. — Домашние. Андрейка нажарил. Меня Маргарита Николаевна зовут, а тебя?

— Настя, — потупила девушка глаза, взяв протянутую котлету.

— Работаешь?

— Да. Учителем.

— Да?! — Изумленная дама дважды икнула и, забыв извиниться, продолжила допрос: — Где живешь?.. Сколько получаешь?.. Какая квартира у тетки?..

Вопросы просто градом посыпались на бедную Настену. Уйти от ответов не представлялось возможным. Перво-наперво потому, что в очередной раз скандалить с мегерой, отказавшись отвечать, было смерти подобно, к тому же вторая котлета, появившаяся в руке девушки, как-никак обязывала продолжать разговор. Во-вторых, Настя, заведомо зная судьбоносное значение подобных столкновений с человеческими индивидуумами, уже была готова к дальнейшему продлению знакомства с этой женщиной. Она еще не могла предположить, во что выльется эта встреча, но в том, что выльется обязательно, была уверена на все сто процентов...

— Хорошая девочка. — Маргарита Николаевна ласково погладила ее по волосам сальной, пахнущей котлетами ладонью. — Адрес мой запомнила? Вот и умница. Если что-то не так, обязательно разыщи меня. Вернее, нас...

С легкостью тяжелоатлета женщина подхватила с земли свои баулы и, высоко неся сверхобъемную грудь, двинулась к стоянке такси. Несколько минут простояв в оцепенении, Настя решительно направилась в противоположную сторону. До дома тетки было три автобусные остановки, но она все же пошла пешком. Погода благоприятствовала прогулке. Да и не прятать же столь неожиданно свалившееся на нее убранство в автобусе, среди толпы уставших и обезумевших от толчеи горожан.

Мужское внимание приятно любой женщине любой возрастной категории, а когда тебе слегка за двадцать и основной контингент твоего населенного

пункта составляют незамужние учительницы, доярки и убеленные сединами старцы, то продефилировать по улицам города, чеканя шаг точеными ногами, сам бог велел.

Настена стремительно продвигалась в сторону улицы Лемешева, на ходу отмечая, с каким интересом скользят по ней взгляды представителей сильнейшей половины человечества. Кривая ее настроения, немного подпорченная навязчивой попутчицей, вновь стремительно поползла вверх. Длинные пряди волос развевались от легкого ветра. Яркий здоровый румянец окрасил тугие щеки, а глаза заискрились от радостного предвкушения. Она вошла под арку дома, ведущую во двор, и остановилась, немного переводя дыхание.

Теткин дом стоял между двумя другими домами, тесно с ним соприкасающимися и образующими букву «п». Жильцы этих трех домов беззлобно называли сей архитектурный излом «пентагоном». В центре п-образного бетонного монстра вполне мирно и беззаботно существовал весьма и весьма уютный дворик. Множество дикорастущих слив и вишен, хаотично разбитых клумб. Кое-где виднелись возделанные участки с угадывающейся даже в теперешних сумерках белокочанной капустой. Не совсем по-городскому, но зато по-домашнему.

Настя прошла через двор к центральному подъезду среднего дома. Тетка ее жила на втором этаже в огромной четырехкомнатной квартире и слыла среди жильцов дамой суровой и неразговорчивой. Но племянница-то прекрасно знала, что добрее и отзывчивее человека вряд ли можно было сыскать. А суровость и неразговорчивость всего лишь внешние атрибуты, жизненно необходимые, по мнению ее покойного мужа, подруге работника Комитета госу-

дарственной безопасности. Не дай бог ей улыбнуться соседке или посидеть на лавочке у подъезда. Следовала мгновенная проповедь о кознях врагов государства, которые не дремлют и умело используют таких вот наивных дурочек в целях преступных, на благо вражеских контрразведок. Именно этот фактор и сыграл главную роль в выборе Настей места проживания. Как ни билась тетка с ней, как ни просила, Настя была неумолима и все то время, пока училась в институте, и после его окончания скиталась по общагам. Выносить ежедневные нотации кагэбиста, правда, к тому времени уже отставного, было выше ее сил.

На пятом году Настиного студенчества супруг ее тети неожиданно слег и, проболев пару месяцев, скончался. Тетка осталась одна в огромной — более ста метров — благоустроенной квартире с добротной старинной мебелью. Она было вновь обратила свой взор в сторону несговорчивой племянницы, но та к тому времени дала слово декану, что поедет работать в одну из самых малоперспективных деревень, и заставить ее свернуть с этого пути не смогли бы даже силы небесные. Вот и коротала свой век одинокая женщина, живя короткими и нечастыми встречами с Настеной. Вязала красивые ажурные шали, скатерти и салфетки, коими потом забивались ее многоярусные шкафы. Сиживала долгими зимними вечерами с книжкой в обществе здорового черного кота, прозванного Магистром. И описывала в длинных и подробных письмах к племяннице свое одинокое времяпрепровождение. Из этих писем Насте было доподлинно известно, кто и когда в «пентагоне» родился, кто женился и умер. Как называли первенца молодожены с площадки на четвертом этаже соседнего подъезда. Каким образом удавалось пожи-

лой женщине, практически не выходявшей из дома, узнавать все эти подробности, для Насти оставалось загадкой...

В радостном предвкушении встречи, подняв глаза на окна второго этажа, она неожиданно почувствовала, как внутри у нее что-то тихонько и тревожно заняло. Час был не ранний — половина седьмого вечера. Уже достаточно успело смеркнуться для того, чтобы обитатели этих трех домов зажгли свет в своих окнах. Но вот теткинны окна отчего-то были темны. Прежде такого не бывало никогда.

Стараясь не питать услужливое воображение ужасными картинами, Настя влетела в подъезд и в два прыжка поднялась на площадку второго этажа. Но воображение притормозить не удалось. Тяжелая дубовая дверь теткиной квартиры была заперта и, что самое страшное, опечатана маленьким грязновато-лиловым клочком бумаги с расплывчатым подобием штемпеля.

— Ч-что это?! — сипло выдавила она, обращаясь к соседке по площадке, которая высунула нос из-за двери своей квартиры. — Алла Ивановна! Что это?!

Та смерила девушку неодобрительным взглядом поросячьих глазок и зачастила, срываясь на фальцет.

Из ее пространного монолога Насте с трудом удалось уловить, что ее тетка ушла из дома две недели назад и не вернулась. Никто бы и никогда не обратил внимания на отсутствие «нелюдимой гримзы», если бы не взбесившийся кот Магистр. Тот то ли от голода, то ли от переживаний за свою хозяйку начал жутко орать и кидаться на окна. Самые сердобольные вызвали милицию и представителей ЖЭКа. Дверь взломали. Кота накормили. Тетку нашли чуть позже... в трупохранилище.

Справка, вложенная в руки все тех же соседей по дому, гласила, что старушка скоростижно скончалась от инсульта. Суровый санитар, злобно осмотрев притихших людей, безапелляционно заявил о полном отсутствии свободных мест и огромной цене на имеющиеся свободные. В результате недлительных переговоров тетю решили похоронить за счет местных органов власти как спутнику жизни одного из выдающихся работников КГБ, ныне также покойного...

— А что же мне не сообщили?! — оторопело выдала Настя, все еще не осознавшая до конца всей тяжести случившегося. — Я же ее единственная родственница!!!

— Хороша родственница, если родную тетку раз в четыре месяца навещаешь! — фыркнула соседка и, напоследок осуждающе сверкнув глазами, хлопнула дверью.

Рано потеряв родителей — они погибли в автокатастрофе, — Настя не жила в мире иллюзий и знала, что все люди смертны. От визита к визиту она отмечала, как стареет ее тетушка. Как, украденные временем, тают ее силы. Мысленно она не раз прокручивала ситуацию ее кончины, отодвигая этот рубеж до необозримых временных далей. Ей виделась тетушка на смертном одре лет, скажем, через двадцать. Истлевшая старушка, к тому времени отметившая свое девяностопятилетие. Ее маленькая ручка в Настиной ладони и масса напутственных речей, не внять которым она не смогла бы. Но чтобы вот так... Чтобы быть подобранной на улице как последняя бродяжка...

Нет, это был слишком жестокий удар судьбы. Жестокий и несправедливый. Осознать это Настене удалось лишь на четвертые сутки. Повинуясь указа-

ниям начальника местной жилищной конторы, она пробегала четыре дня, собирая документы и подписи по различным ведомственным организациям. Где-то к ней относились с сочувствием, где-то с равнодушием. Некоторые выказывали прямо-таки откровенную враждебность. Но она, подстегиваемая дефицитом времени, проявляла завидное упорство, снова и снова стучалась в труднодоступные чиновничьи двери.

В конце четвертого дня беготни она все же переступила порог теткиной квартиры с переписанным на ее имя ордером.

— Не оформи она вовремя документы, не видать бы вам этой хаты еще полгода, — констатировала вальжная блондинка в регистрационной палате. — Молодец бабуська, все предусмотрела...

Не могла бабуська предусмотреть лишь одного — как будет тяжело без нее Настене. Щелкнув замком входной двери, девушка прошла по опустевшим комнатам и с невероятной болью в сердце поняла, что уехать отсюда уже не сможет. Что-то незримое тянулось к ней из всех углов, заставляя прикасаться к каждой вещи, казалось, еще хранившей тепло рук ее тетки. Это эфемерное, но все же почти осязаемое ощущение присутствия рядом родной души будило в ней доселе дремавшее чувство вины...

— Я останусь, — прошептала она, останавливаясь в теткиной спальне у портрета супругов в изголовье кровати. — Ты всегда этого хотела. Я сделаю это — я останусь...

Переезд не занял много времени. Из личных вещей у Насти был лишь великодушно подаренный комendanтом студенческого общежития письменный стол, полировка с которого облезла еще в прошлом десятилетии. Пара таких же «свеженьких» стульев

да скрипучая, обвисшая раскладушка, доставаемая из темного угла их с Нинкой каморки в случае приезда гостей.

Все это «добро» подруги решили снести на помойку.

— У тебя начинается новая жизнь, — поучительно вещала Нинка с неприкрытым чувством зависти. — Так что начинай ее по-человечески. И не тащи ты, бога ради, эту рухлядь с собой...

Рухлядь была благополучно погребена на свалке. Перевод из местной школы в одну из городских десятилеток осуществился без лишних заморочек. И в канун декабря Настя ступила на порог теткиной квартиры с твердым намерением жить там и постараться быть как можно счастливее. Именно этого всегда хотела для нее покойная тетушка. И именно это всегда обещала ей Настя, совершенно искренне веря в то, что сдержит это обещание и не обманет тетушкиных надежд.

Но, как показало время, в борьбе за блаженное существование под солнцем одного желания не всегда достаточно. Нужно кое-что еще. Нужно нечто такое, о чем ни в одной справочной и рекомендательной литературе не упоминается. Вот и приходится людям бродить в потемках, натываясь на острые углы судьбоносных катаклизмов и расшибая в кровь лицо в поисках этой неведомой, а возможно, и несуществующей формулы счастья. И ведь как бывает в девяти случаях из двенадцати: поймает некто удачу за хвост, обрадуется, тут же постарается вцепиться покрепче, а потом... А потом приглядится при ярком-то свете попристальнее и ошалеет от непереносимости открытия: счастье-то, оказывается, промчалось мимо, а то, что поймано, не имеет к счастью никакого отношения.